

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СТР.9-11

НЕПОВТОРИМЫЙ

СТР.20

ПРОСТО
КАШПУР

Б

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№42 (227)
ОКТАБРЬ 2024

БУЛЬВАРНЫЕ
НОВОСТИ

СТР.4-8

САВЕЛИЙ
КРАМАРОВ,
КИНО, ОДЕССА...

СТР.14-17

КОРИФЕЙ

Геннадий Норд

Я запомнил его в 1975 году, когда посмотрел фильм «Старший сын». С тех пор не пропускал его премьер ни в кино, ни в театре.

А потом получилось так, что мы с ним выступали на одних площадках, в одних концертах. Его всегда принимали на «ура».

А, естественно, раз работаешь вместе, то и общаешься, разговариваешь.

Отрывки из наших разговоров с Николаем Караченцовым, которые я вам сегодня предлагаю, записаны мной до той страшной аварии.

Да и фото сделаны тоже до несчастного случая. Мне очень хочется, чтобы люди помнили его таким - улыбающимся, позитивным, здоровым.

- «Приятный вопрос»: ты боишься смерти?

- Смерти я боялся почему-то в детстве. А сейчас мне как-то некогда об этом думать.

- В советское время творческие люди получали гарантированную зарплату, но над ними висел дамоклов меч цензуры. Сегодня нужно много крутиться, чтобы заработать на жизнь, зато говорить можно многое.

- Помню, когда началась перестройка, Михаила Жванецкого спросили:

- Как вы перестроились?

Он ответил:

- А мне нечего перестраиваться. Я и раньше не врал.

Мне повезло: наш театр тоже никогда не врал. Но творчество и искусство всегда ходят по лезвию бритвы. Одно дело - эзопов язык. Другое - фига в кармане. Бога за бороду дергать нельзя. Есть и в искусстве запретные вещи.

- Почему Смоктуновский, Леонов, Пельтцер никогда в жизни не зарабатывали так, как зарабатывают средние артисты в Голливуде?

- Это большой вопрос! Некоторые семьи наших известнейших актеров сегодня бедствуют потому, что артист умер, так и не сумев ничего оставить семье. А правнуки любой голливудской звезды будут жить припеваючи даже на том, что лишний раз покажут картину с участием их прабабки.

- Армен Джигарханян сказал: «Настоящий актер - хорошее животное. Ему организм помогает играть».

- Ну, если бы актеры были бы совсем животными, то на Отелло не хватило бы Дездемон. Расскажу одну историю. Шаляпин играл Бориса Годунова. В финале спектакля он должен был подниматься по громадной лестнице на самый верх, там стоял трон, где он красиво «умирал». Помнишь - «мальчики кровавые в глазах»? Но однажды Шаляпин, не дойдя шага до трона, оступился и кубарем скатился вниз. Занавес закрылся. Все, кто был в театре, кинулись к нему:

- Федор Иванович! Что с вами?

Он, как ни в чем не бывало, улыбнулся:

- Да со мной ничего! Просто я увидел, как какой-то идиот на пятом ярусе выпустил из рук программку, и она стала спускаться вниз. Я боялся, что это может отвлечь зрителя от очень важной сцены. И надо было

НЕПОВТОРИМЫЙ

сделать что-то невероятное... Организм подсказал именно этот ход.

И... Естественно, никто из зрителей этой плавно падающей программки не увидел.

- На что только не идут люди, чтобы добиться желаемого. Переспать, продать, предать - все методы хороши.

- Часто люди гордятся чистой совестью только потому, что у них - короткая память. Можно, конечно, всю жизнь прожить на компромиссах с самим собой. Но будешь ли ты при этом спокойно спать и уважать себя? Стыд - великое чувство. Куда денешься, если сам себя считаешь дерьмом? У человека должно быть понятие «стыдно», которое ему вложили мама с папой.

- А ты совершал поступки, за которые тебе стыдно?

- Конечно. Но я никогда о них не скажу.

- У Шукшина есть замечательная фраза: «И в приступе дурной правды

он сказал ему, что его жена живет с агрономом».

- Есть такое понятие - «святая ложь». Нельзя говорить горбатуму, что он горбатый. Или пришел к тебе коллега после спектакля в слезах - сам понимает, что сегодня плохо сыграл, и спрашивает:

- Ну как?

А ты ему резвым голосом:

- Да, завалил ты роль!

Нет, язык не повернется. Ответишь:

- Да ничего, подумай только над этим и вот над этим. Тогда все сложится.

- Это компромисс с самим собой?

- Не знаю. Меня мама учила: прежде чем что-то заявлять, оговоришься: я так думаю, мне кажется. Не нужно выносить вердикт, будто ты представляешь истину в последней инстанции. Иначе это приставь, кто-то женщине говорит:

- Я вчера видел, как твой муж... Хочешь в подробностях?

Да заткнись ты, неудобно.

- Какой-то ты нетипичный артист. Считается, что актеры - сплетники.

- А еще бабники, пьяницы... Про то, что мне всю жизнь приписывают алкоголизм, я и вовсе молчу. Расхожее бывальское дурное мнение. Почему я должен быть сплетником? Да неинтересно мне это.

- Ты говоришь, что у тебя нездоровая любовь к теннису. А почему нездоровая?

- Потому что я не имею возможности играть в теннис регулярно. Любой нормальный человек, у которого испокон веков заведен определенный режим жизни, знает, что в понедельник, среду и пятницу с 19 до 21 он играет в теннис. У меня так не может быть. Сегодня есть спектакль, завтра нет. Репертуар на нынешний месяц не похож на репертуар прошлого месяца. Я выхожу на теннис-

Окончание на с. 10

В фильме «Старший сын»

В фильме «Белые росы»

В фильме «Собака на сене»

Окончание. Начало на с.9

ный корт, как в последний раз. Понимаю, что уже надо остановиться, падаю, еле ползаю. Это и есть нездоровая любовь - дорываюсь и играю, причем, не так складно, как об этом говорю.

- Мне один актер сказал, что у него есть такое понятие - нормальный человеческий комфорт. А у тебя что в него входит?

- Часто слышу от знакомых:

- Эх, вот бы мне такую машину лет 15 назад!

Но 15 лет назад я был рад и «Жигулям». Мне всегда все нравилось в тот момент, когда я это получал. Автомобиль - замкнутое вроде пространство. А дает ощущение свободы. Куда хочу, могу поехать. Никто меня не щипает, не задает дурацких вопросов. Мне нельзя ходить в рваных джинсах, потому что у меня прилюдная профессия и на меня смотрят. Но культура из одежды не делаю. У меня спортивно-джинсовый стиль, выработанный годами. Мне так удобно жить и работать. Юлиан Семенов сказал:

«Деньги - отштампованная свобода».

Я думаю, это выражение верное. Как ни странно, деньги дают свободу. Человек может купить любимой женщине ту бирюльку, которая ей нравится, поехать отдыхать туда, куда хочет.

- У тебя очень уставшие глаза. Все надоело?

- Когда надоеет, надо уходить из профессии. Я никогда не жалею на свою загруженность. Хотя бы потому, что меня не снимали и снимать не очень хотели. Кинематографические начальники говорили:

- Насколько Караченцов фотогеничен? Можно ли ему доверять играть положительные роли?

98% артистов, наверное, мечтают о такой судьбе, какая сложилась у меня.

А уставшие глаза... Неделя выступлений с сольным концертом. Каждый день в разных городах. Подъем в 7 утра, автомобиль и езда в скрюченном состоянии в течение 4-5 часов. Вот и все. Так ты же это тоже проходил.

- Ты - человек постоянный? У тебя всю жизнь одна жена, один театр.

- Не знаю какой. Надо спросить у театра и у жены. Консерватизм считается как бы дурным понятием. Человек, обладающий этим качеством, - кондовый, в старых привычках, не принимающий ничего нового, рутинный. Но мне хотелось бы считать себя человеком современным. Но... Я обитаю почти в последней от сцены гримерке. Мне ее дали в «Ленкоме» после прихода из театрального училища. Несколько раз была возможность перейти поближе. Но... не могу. Это мой стол, мои ребята здесь сидят. Как это обозвать? Может, верность? Сам не знаю.

- Это правда, что в детстве ты хотел стать балетным танцором?

- Чистая правда. Моя мама была балетмейстером, преподавала в театральном институте. И я, когда был маленьким, пересмотрел все балеты Большого театра. Она брала меня на свои занятия в ГИТИС. Я, конечно, ничего другого не представлял, как стать балетным танцором.

Но когда пришла пора поступать в хореографическое училище, мама категорически запретила. Я благодарен ей за это до бесконечности. Балетный век короток, поэтому там много несчастных людей. Мама, видимо, об этом думала. И спасибо ей за то, что она меня от этого уберегла. С другой стороны, благодаря тяге к балету, я понимаю, что пластика - очень важное выразительное средство в деле которым занимаюсь.

- Ты более 30 лет работаешь в театре Ленком. Что тебя там держит?

- Во-первых, человек по природе ленив. Любюй. Зачем что-то менять, если и так хорошо? Но не это главная причина. На сегодняшний день Ленком, наверное, самый модный театр в стране. А для меня он самый хороший. Ленком предоставил мне возможность работать с Марком Захаровым. Сегодня это один из самых интересных театральных режиссеров России.

Но в этом же Ленкоме я сыграл роли в спектаклях, которые ставили такие люди, как Андрей Тарковский. Я сыграл Лаэрта в его «Гамлете».

Я сыграл в спектакле «Сорри», который поставил Глеб Панфилов - один из самых выдающихся кинорежиссеров мира. Это такая школа! Они вроде бы друзья с За-

харовым, но у них полярно противоположные взаимоотношения с искусством.

Я работал с Александром Галиным. Он драматург, но заявил о себе и как о кинорежиссере. В спектакле «Чешское фото» мы играли с Александром Калягиным. Мне было интересно работать в этом спектакле.

- В начале твоей творческой биографии кинематограф тебя не очень-то жаловал. А как ты к нему относишься?

- Кино помогает мне раздвинуть, растянуть рамки своего диапазона, сыграть что-то такое, чего я не играю в театре. У нас в театре, например, не идет ни одна пьеса такого автора, как Александр Вампилов. Мне, кстати, очень жаль, потому что Вампилов, наверное, самая яркая звезда на нашем драматургическом небосклоне за последние лет сорок. Но так получилось, что у руководителя нашего театра не было интереса к этому автору. И так как-то Ленком прошел мимо Вампилова. А в кино я снялся - в картине «Старший сын» по пьесе Александра Вампилова, который в то время был полузапрещен. Мы понимали, что выходим с таким автором, как Вампилов, на такую аудиторию, как вся страна. Какая ответственность! Мы были очень молодые, мы так сдружились. Атмосфера была

фантастическая. Миша Боярский, Света Крючкова, Наташа Егорова мы были, как родные, как одна семья. Как нас опекал Евгений Павлович Леонов! Он был нам, как батька.

У нас в театре не идет ни одна из пьес Лопе де Вега. А я снялся в картине, которая называется «Собака на сене». Кстати, сначала хотел отказаться. Я так рассуждал: мол, только-только начал играть порядочных людей, а тут предлагают какого-то придурковатого маркиза. Это ведь зрители будут думать, что и я такой же идиот. Но я действительно был бы не очень умным человеком, если бы отказался. Какой это блестящий повод для актера - попробовать себя в комедийной, характерной роли. За это хвататься надо! Это подарок судьбы. И я рад, что картину все время повторяют, что она нравится.

- Как ты относишься к своей популярности?

- Мне приятно, что мой труд оценен, что я не зря работаю, что я нахожусь на определенной ступени актерской иерархии. И все-таки артист не должен часто задумываться о своей популярности. Это может ему навредить. Это может его разбаловать. Потом - наше дело шаткое. Нас выбирают. Сегодня - есть, завтра - нет. Сколько раз я видел, может быть, ты тоже, когда вот это слово - популярность - ну не отражало истинности дарования. Сколько у нас этих раскрученных фальшивых популярных имен! Перестают деньги вкладывать, они и лопаются, как мыльные пузыри. Не хотелось бы попасть в этот разряд.

- Актер - это профессия или призвание?

- Профессия, конечно, которая ничем не отличается ни от какой другой. Ну, разве только тем, что у нас разорванный рабочий день: утром - репетиция, вечером - спектакль, днем - перерыв. Актер готовится к вечернему спектаклю. И когда вся страна идет с работы домой, он пилит на работу.

Что мне нравится в моей профессии - в ней все очень хорошо разбираются:

- Этот хороший артист, а этот вообще не артист.

И вообще слово «артист» почему-то считается в народе ругательным. Ну, прямо артист, говорят о каком-нибудь чудике. Что-то я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь сказал:

- Ну, ты прямо токарь.

- Ты 20 лет играешь графа Резанова в рок-опере «Юнона» и «Авось». Волнуешься, выходя на сцену? Я, например, всегда волнуюсь...

- Чем значимей актер, тем он больше волнуется. Ему стыдно плохо сыграть. От него же ждут чего-то такого.

Вот Евгений Павлович Леонов, с которым мы работали в одном театре. Он, в 232-й раз играя один и тот же спектакль, каждый раз читал перед началом пьесу. Что он, слова что ли повторял? Да он их сто лет назад выучил. Он искал новый внутренний поворот роли.

Татьяна Ивановна Пельтцер - какая была актриса! Царство ей небесное. Она была занята, например, где-нибудь в конце второго акта. Но приезжала за полтора часа до начала спектакля. Она готовила себя к этому акту - выхода

В фильме «Человек с бульвара Капуцинов»

В фильме «Приключения Электроника»

В фильме «Чокнутые»

В фильме «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона»

на сцену. Ну что, казалось бы, ей-то волноваться? Ее вся страна обожала. Спасибо уже за одно то, что вышла. Ан нет, трепетала.

Или Андрей Миронов - мы вместе играли в концертах. Он стоял в кулисах, неважно, где предстояло выступить - в маленьком клубе или Дворце спорта - его трясло. Попробуй тронь - разорвет. Ему же на сцену выходить. Поэтому-то за кулисами всегда говорят шепотом и ходят на цыпочках. Потому что на сцене происходит что-то такое, что очень трудно создать и очень легко разрушить.

- В Ленкоме работает целое созвездие выдающихся артистов...

- Да, действительно, созвездие. Да, действительно, выходить на сцену с такими людьми, как Инна Чурикова, Армен Джигарханян, Леонид Броневой - это не просто подарок, это школа. А наши звезды - Саша Збруев, Саша Абдулов, Олег Янковский, а молодежь, которая уже перестала быть молодежью, перейдя в категорию мастеров, - Саша Захарова, Витя Раков, а замечательные «новобранцы» - Сережа Фролов, Алексей Железняк. Ну что? Еще раз снимем шляпу перед Марком Анатольевичем за то, что он умеет создавать такую атмосферу, чтобы эти звезды были дружны и делали общее дело.

- А с кем из них тебе особенно приятно работать?

- Со всеми комфортно и радостно. Но среди них есть бог по имени Инна Чурикова.

- Как ты относишься к тому, что песни из «Юноны» и «Авось» стали хитами эстрады?

- Дай Бог! Чем больше людей будут это петь, тем лучше. Значит, это уже не просто песенки, это уже классика - то, что для всех и надолго. Будем надеяться - навсегда.

- Как ты познакомился с Людмилой?

- Да обыкновенно мы с женой познакомились. Мне было двадцать восемь. Она проходила мимо меня по улице. Случайно проходила. И в какую-то секунду я увидел ее глаза и подумал: а вдруг я ее потеряю из виду и больше никогда не встречу? Мне сразу стало так страшно! Я подошел, познакомился. И через некоторое время мы поженились. Все!

- Ты жене цветы часто даришь?

- Я ей всегда помогаю и за собой всегда убираю сам. Не потому, что чистюля, а потому что сын смотрит. И собака. У меня классная собака - лабрадор.

- Актер - профессия травмоопасная. А ты часто травмы получал?

- Однажды, во время спектакля «Юнона» и «Авось», парашют, по которому я бегал, рухнул. Упав с трехметровой высоты, я повредил колено, да так, что практически не мог стоять на ногах. А в следующем эпизоде мне нужно было драться с Абдуловым. На предложение остановить спектакль я ответил отказом. Поэтому мы с Сашкой передвигались парочкой - он меня поддерживал. Таскал буквально на себе.

- А в жизни драться приходилось?

- Как ни странно, приходилось и в жизни. Я вообще-то редко хожу по городу, чаще езжу. Но в тот раз иду по улице. На-

встречу трое пьяных бугаев, из пацанов. Один говорит:

- О, смотрите, Караченцов идет! Давайте его пристрелим!

Я, честно говоря, даже испугаться не успел. Потому что пытался сообразить, что с ними делать - то ли шутить, то ли защищаться? Ну, в результате, конечно, разобрался. И это, между прочим, только потому, что я всегда в форме. А как иначе? Такие ребята в любой момент могут ко мне подойти и сказать:

- Ну, давай, артист! Мы видели, какой ты крутешок на экране!

От этого никто не застрахован. Да и, вообще, без тренировок я не мог бы доиграть до конца ни один спектакль.

- А как тренировки сочетаются с тремя пачками сигарет в день?

- Сказать трудно. Но курить не бросил даже после того, как потерял голос. Снова заговорить я смог лишь благодаря

очень хорошему фониатору. Но как только голос зазвучал, на радостях сразу побегал в магазин за «Примой».

С сигаретами есть одна история, которую знают немногие. Зашли мы в городе Сакраменто в ресторан. Поели. Захотелось, естественно, закурить. Пепельницы на столике нет. Я говорю официанту:

- Будьте любезны!

А он мне:

- У нас не курят!

Взял свой кофе, вышел на улицу, пристроился на тротуаре, достал пачку сигарет. Слышу, тот же официант мне через раскрытое окно говорит:

- Мистер, я же предупредил: у нас не курят.

- Но ведь я же вышел из вашего ресторана!

И знаешь, что он мне ответил? Мне аж худо стало! Он мне заявляет:

- У нас в городе не курят!

С женой Людмилой Поргиной

В общем, все время, пока мы были в Сакраменто, вместо того, чтобы смотреть на старинные пароходики, паровозики и деревянные тротуары, пробегал, как дурак, по городу. Искал, в какой бы подворотне наскоро высмолить сигаретку!

- Как ты себя ощущаешь на тусовках?

- Я вообще не тусовочный человек, там свои герои. И еще, приходя в малознакомую компанию, побаиваюсь - вдруг скажут:

- Николай Петрович, Вы салатик поели? А у нас тут как раз кстаи гитарка!

- Разве ты не любишь петь?

- Петь я, конечно, люблю. Это приносит мне удовольствие. Знаешь, говорят: поет душой. Вот и я: мучаюсь, но пою своим хриплым скрипучим голосом. И прекрасно при этом понимаю, что мне никогда не стать ни Шаляпиным, ни Паваротти. Поэтому пою, лишь, когда меня здорово занесет.

- Как ты относишься к тому, что тебя называют «секс-символ»?

- Я ведь мужчина с женской профессией. Как все артисты, мажу лицо, хочу понравиться. Говорят, наш актерский труд напоминает древнюю профессию. Ту, которая из самых первых и великих.

- Но на женское внимание реагируешь?

- А как же. Ехал как-то по Тверской-Ямской. Останавливаюсь на красный. Рядом, в левом ряду, темно-серый Range Rover, и в нем совершенно очаровательная молодая дама ест виноград. Окликает меня:

- Николай! Николай!

Меня - тьфу-тьфу, постучи по дереву! - такое внимание пока не тяготит, поэтому отвечаю ей спокойно:

- Слушаю Вас!

Она:

- Пока стоим, не хотите виноградику попробовать?

Я только успел сказать спасибо, а тут зеленый загорелся. Ну, так и поехал ни с чем...

- И все-таки никогда не поверю, что в твоей жизни никогда не было настоящей, стирающей все границы, пламенной страсти!

- Ладно, расскажу. Была у нас в детском саду девочка. Мы с ней в тихий час сдвигали свои кровати. А маму за это вызвала воспитательница...

- Смеешься?

- Да ладно, не огорчайся. Знаешь же, что я прерываю эту тему в зародыше. То есть я, конечно, согласен, любовь - двигатель, и что бы ни происходило на земле, все в какой-то степени от нее зависит. Но я - не любовник! Я - шут. Хотя на самом деле мне всегда хотелось быть одновременно и хулиганом, и остроумцем, и шутком, и национальным героем, и Ромео, и философом.

Он был каждым, кого перечислил. Всегда разным. Непредсказуемым. Но главное - неповторимым. Потому что жил по единоразу и навсегда принятому правилу:

- У меня закон: никогда не повторяться. Чтобы ни в чем не было слежка со вчерашнего или с позавчерашнего. Каждый раз - как в последний. Или как в первый. И так во всем...